

ОТ ПРИВАТИЗАЦИИ РЕЧИ К ПРИВАТИЗАЦИИ ЯЗЫКА

С. Г. Ватлецов, О. Г. Коларькова

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия

Поступила в редакцию 27 февраля 2017 г.

Аннотация: в статье авторы исследуют короткие речевые произведения (афоризмы, слоганы, заголовки, словесные торговые обозначения и т. д.) как продукты утилитарного творчества, юридические факты – явления реальной действительности, с которыми закон связывает возникновение, изменение и прекращение прав и обязанностей. Авторы приходят к выводу, что оспаривание их функционирования в речи других лиц следует рассматривать с точки зрения морали или эстетики, но не в пределах права, тем более исходя из материальных интересов их создателей.

Ключевые слова: речь, утилитарное творчество, авторское право, результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации.

Abstract: the authors analyze short fragments of speech (aphorisms, slogans, headlines, verbal trademarks, etc.) as products of creative writing and as legal facts of reality with which the law is bound by emergence, alteration and termination of rights and responsibilities. The authors come to a conclusion that litigations over their functioning in other people's speech should be considered with respect to moral or aesthetic criteria but not within law, especially if commercial interests of their creators are taken into account.

Key words: speech, utilitarian wording, copyright law, results of intellectual activity, means of individualization.

Настоящая статья посвящена речевым произведениям как продуктам утилитарного творчества. Известно, что речь – конкретное говорение, протекающее во времени и облеченное в звуковую (включая внутреннее проговаривание) или письменную форму. Под речью понимают как сам процесс говорения (речевую деятельность), так и его результат, фиксируемый памятью или письмом [1, с. 414]. В противоположность языку (абстрактному средству общения и хранения информации) речь конкретна и имеет автора, который для достижения своего творческого замысла задействует определенные языковые явления. К речевым продуктам – результатам интеллектуальной деятельности и приравненным к ним средствам индивидуализации – в силу новейшего гражданского законодательства относят: произведения науки, литературы, фирменные наименования, коммерческие обозначения, произведения, представляющие собой переработку другого произведения, а также составные произведения. Авторские права не распространяются на идеи, концепции, принципы, методы, открытия, факты.

При возникновении спора об авторстве какого-либо речевого продукта требуется анализ, цель которого – определить содержание спорного речевого произведения. Вместе с этим для уяснения сущности правоприменения в отношении словесного творчества требуется всесторонний и исчер-

пывающий анализ единиц речевого акта каждой в отдельности и как результат их суммирования. Данный анализ осложняется абстрактностью языковых единиц, которая сопоставима с абстрактностью норм романо-германской правовой семьи. При этом важно определить, обладает ли конкретное речевое произведение *новизной объективной* (состоящее полностью из общеизвестных элементов) или *субъективной* (целиком состоящее из авторских идей).

Результат толкования зависит от глубины *осмысления речи*, которое принято делить на *распознавание* (узнавание материальной формы, т. е. какими предложениями, словами, буквами, звуками данная речь представлена) и *понимание* (тип осознания смысла сказанного и того, каким образом он выражен). Выводы толкования будут психологически организованными и будут зависеть от интересов участников процесса, суммироваться и сводиться к основным типичным случаям в соответствии с причиной или целью речи [2, с. 61, 64].

Эмпирически очевидно, что наряду с *неимущественными* неотчуждаемыми и непередаваемыми правами (право авторства, право на имя) речевые произведения обладают характеристиками *имущественных благ* с утилитарными свойствами:

– являются продуктами художественного творчества, результатом интеллектуальной деятельности, в том числе и служебными произведениями;

– могут отчуждаться по договору и иным основаниям, т. е. принимают участие в товарно-денежных отношениях;

– утилитарными свойствами продуктов интеллектуальной деятельности пользуется не обязательно автор (авторы), но и правообладатель (правообладатели);

– собственник (автор, правообладатель) может требовать систематическое или разовое внесение платы за право пользования продуктами интеллектуальной деятельности, художественного творчества.

К сожалению, в судебной практике критерии новизны и оригинальности, как правило, используются без конкретизации объективные-субъективные, в ряде случаев как синонимы, временами – субъективные, иногда объективные и субъективные одновременно. При этом судами преимущественно оценивается само произведение, хотя они испытывают явные трудности в обосновании выводов о наличии либо отсутствии новизны или оригинальности конкретного произведения. Все это не позволяет говорить о выработанной в судебной практике единой позиции о применимом критерии творчества [3].

Так, дочернему предприятию кондитерской корпорации «Рошен» пришлось искать защиты сначала в Арбитражном суде города Москвы с заявлением о признании незаконным решения Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент), отказавшей зарегистрировать товарный знак корпорации, состоящий как из изобразительных, так и из словесных элементов конфеты «Ласточка-певунья», а затем в апелляционной инстанции, где «Рошен» просила отменить решение нижестоящего суда и принять новый судебный акт.

Суд первой инстанции сослался на то, что торговый знак «Ласточка» принадлежит одному лицу – ОАО «Рот Фронт». Регистрация заявленного обозначения на имя иного лица, говорится в решении, способна в случае маркировки их сравнимаемыми обозначениями привести к возникновению у потребителя представления о принадлежности товаров одному производителю. Здесь интересно отметить, что на момент тяжбы в Роспатенте было зарегистрировано как минимум семнадцать названий конфет, где фигурировала лексема «ласточка», производимых компаниями «Красный октябрь», «Пензенская фабрика», «Самойловские сладости», «Сормовская фабрика» и «Южуралкондитер» [4].

Девятый арбитражный апелляционный суд требования кондитерской корпорации «Рошен» удовлетворил, сославшись на лингвистическую и социологическую экспертизы. Последняя, к слову, подтвер-

дила, что потребители знают «Ласточку-певунью» и отличают ее от других «ласточек» – кондитерских изделий. Выиграв суд, проблемы «Рошен» не прекратились: ОАО Тульская кондитерская фабрика «Ясная поляна» потребовала от нее компенсации в размере 79,8 миллионов рублей за незаконное использование товарного знака ... «Певунья!» [5].

ОАО «Рот Фронт» подало иск на компании «Оркла Брендс»: «СладКо», «Пекарь», «Фабрика имени Крупской», принадлежащие норвежскому холдингу «Оркла», которые собирались выпускать конфеты «Крупская ласточка». На этот раз речь шла о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака. Суды первой и апелляционной инстанций встали на сторону «Рот Фронта» [6].

Отказ «Рошену» в регистрации и следующий за ним иск о прекращении правовой охраны торговой марки «Ласточка-певунья», по нашему мнению, выявляет нестабильность авторского права, прежде всего, из-за недостатка последовательных и объективных методик толкования объектов речи. Анализ графического изображения кондитерского изделия выполнялся *на уровне речи*. Однако разбор словесного обозначения отклонился до уровня *языкового* (абстрактного), т. е. задача была определить количество слов, длительность звучания, наличие грамматической и семантической связи и т. д.

Однако, поскольку внимание уважаемых профессиональных экспертов было сосредоточено на немотивированных лексических знаках (таких, значение и звучание которых не связаны), то их исследование ограничилось пределами словаря и неизбежно привело к общим рассуждениям и обжалованным решениям и постановлениям. Если же несколько дистанцироваться от внешней формы спорного наименования (его экспонента), то референтом лексемы «ласточка» мог быть не один, а один из семидесяти семи видов ласточек, объединяемых в семнадцать родов) [7; 8]. Полагаем, такое изобилие биологических ласточек способствовало бы мирному распределению представителей пернатых между всеми производителями конфет для их графического изображения на кондитерских изделиях без причинения какого-либо ущерба своим конкурентам.

И для такого предположения есть основания, в первую очередь потому, что, несмотря на то, что определенные произвольные сочетания слова-знака и денотата (даже референта) закрепляются в общественной практике, всегда существует возможность прагматического и затем семантического сдвига, как справедливо утверждает В. Б. Кашкин. «Язык по своей природе обречен на ложь, то есть на выражение чего-то через нечто иное, не связанное

с предметом обозначения по природе, «не-истинное» в глазах обыденного сознания. В гуманитарном знании субъект и объект исследования как бы «совпадают» в одном лице – человеке. Возникает соблазн навязать познаваемому миру свое видение, а то и заставить жить этот мир по придуманным и внедряемым человеческой волей законам. Отдельный индивид – всего лишь человекоединица, и не может претендовать на репрезентацию всего человеческого сообщества или даже отдельной социальной группы. Не может он и навязать свои правила употребления языка остальным индивидам (во всяком случае, сразу, бескровно и экономично) [9, с. 137–138].

Мы полагаем, что выявление субъективной или объективной новизны языкового творчества, на наш взгляд, должно остаться в сфере моральной, но не утилитарной. Многие коммерческие слоганы, авторские тексты-афоризмы, изначально задуманные как продукты утилитарного творчества, «разлетелись» в языке цитатами и закрепились в нем узуальными единицами: «Бриллианты вечны», «Ты этого достойна!», «Все в восторге от тебя, а ты от ...!», «Невозможное возможно!» и т. д. Лучшая выгода для их авторов и правообладателей – это возникающие по умолчанию в подсознании потребителей образы как производимых ими товаров, так и продуктов их словесного творчества.

Экспертам, думается, также не стоило уделять пристального внимания и фразовой валентности словосочетаний «Ласточка-певунья» или «Крупская ласточка» как свободная-несвободная. Общеизвестно, умение сочетать несочетаемое – признак литературного мастерства, а свобода индивидуума на словотворчество вместе с возможностью линейной организации знаковых единиц (морфем, слов, словосочетаний, предложений) предоставляется национальным языком *бесплатно*. Тем не менее лицо, выигравшее судебную тяжбу и получившее правовую защиту продукта речевого комбинирования, приобретает от государства исключительное право, напоминающее *языковую ренту*, т. е. преимущество на извлечение утилитарной выгоды от использования языкового знака (языковых знаков), или даже *юридическое господство* над фразой, полученной в результате комбинирования языковых элементов.

Практика подтверждает, что ввиду абстрактности языкового знака лингвистический анализ текстов на уровне словаря больше запутывает, чем вносит ясность в существо дела. Словари и справочники не являются отображением истинной картины мира, а выражают лишь субъективное мнение их лексикогра-

фов. Вот почему лингвист не высказывается категорически относительно того или иного языкового явления. Спор о словах кажется нам наиболее полемичным. Он вызывается разным видением картины мира и часто разрешается авторитарно, поскольку в силу закона суд обязан разрешить спор и вынести свое решение. Однако судья принимает позицию той стороны, которая излагает как юридически, так и эмоционально значимые факты наиболее убедительно. Эти факты не должны обязательно отражать объективные обстоятельства дела, но оказывать максимальное воздействие на судью. В итоге в суде создается не объективная реальность, а судебная, то есть такая, «с чем стороны согласились и не смогли опровергнуть» [10, с. 117]. Иначе говоря, что признает суд, то и будет истинным, даже если судья руководствовался бытовым, наивным знанием. Это решение, вынесенное в пределах дискреционного права, граничит с *языковым диктатом*. Лингвистический диктат может получить отсрочку, если решение судьи обжалуется в вышестоящий суд, или быть отмененным последним, а может закрепиться в виде судебного прецедента, и навязанная языковая картина мира будет растиражирована последующими судебными решениями [11, р. 347–348].

Тем не менее, по нашему глубокому убеждению, в споре важно уметь абстрагироваться от предмета разногласия и договариваться по широкому спектру вопросов, как это удалось, например, владельцам медицинских торговых марок «Витапрост» и «Биопрост». Они не стали спорить о степени смещения своих коммерческих обозначений, а стали обсуждать то, что их товары различает – разные действующие вещества. В итоге стороны пришли к выводу, что оба продукта дополняют друг друга. Теперь оба производителя рекомендуют применять свои препараты комплексно.

Как не бывает одинаково мыслящих людей, так одни и те же слова, предложения и тексты воспринимаются по-разному, основываясь на жизненном и лингвистическом опыте и компетентности каждого индивидуума в отдельности. Любая, даже фиксированная последовательность лексов (текстовой реализации лексем) может размываться, поскольку нормы индивидуальной речи отличаются высокой степенью вариативности (неповторимости), отсутствием ограничений узуального характера в построении различных уровней и реализации грамматических и лексических значений, взаимодействия вербальных форм с невербальными. «Всякое языковое изменение – индивидуального происхождения, – писал Джулиано Бонфанте, – в своем начале – это свободное творче-

ство человека, которое имитируется и ассимилируется (но не копируется) другим человеком, затем еще третьим, пока оно не распространится по более или менее значительной области. Это творчество может быть более или менее сильным, обладать большими или меньшими способностями к сохранению и распространению в соответствии с творческой силой индивидуума, его социальным влиянием, литературной репутацией и т. д.» [12, с. 111].

Однажды известный блоггер Лео Бабаута получил электронное сообщение от адвокатов писательницы Сьюзан Джефферс, указывающее на то, что он якобы нарушил ее авторское право, используя в Твиттере фразу «Чувствуешь страх, но все равно сделай это» [Feel the Fear and Do It Anyway] в своем посте «Совет как победить страхи, которые сдерживают вас» [A Guide to Beating the Fears That Hold You Back]. Данное изречение оказалось идентичным названию книги Джефферс, о которой Бабаута даже и не слышал. Своим высказыванием в социальной сети блоггер лишь хотел дать совет своему другу. Однако юристы Джефферс потребовали от него сопроводить оспариваемый речевой продукт символом (R) и добавить сноску: «Данная фраза является зарегистрированным знаком Сьюзан Джефферс и используется с ее разрешения». Обращение адвокатов вызвало недоумение у блоггера. Тем не менее он отказался подчиниться, свое решение аргументировав так: здесь речь идет не о наименовании конкретного товара. Адвокаты покушаются на сам язык, на котором мы говорим ежедневно. Если бы Билл Гейтс устанавливал плату за каждое слово в программном обеспечении Майкрософт, то, пожалуй, язык стал бы полностью приватизированным. Такая ревностная защита объектов авторского права в сегодняшний цифровой век воспринимается как архаичное невежество [13].

Такого же мнения придерживается известный музыкальный критик и общественный деятель А. Троицкий. Напоминая о современном уровне развития технологий, он утверждает: «само понятие интеллектуальной собственности отомрет, и это будет очень правильно, это будет одна из вех, одно из величайших достижений современной цивилизации». Он, в частности, ссылается на С. П. Капицу, который говорил, что «собственность – это оксюморон. С одной стороны, оксюморон, то есть абсурдное словосочетание, а с другой стороны, преступление, потому что плод интеллектуального труда не может быть собственностью. То, что человек выработал своими мозгами, должно принадлежать всему человечеству, приносить пользу» [14].

Древнегреческий мыслитель Гесиод учил, что «то слово не исчезает совершенно, которое повторяется многими в народе». Действительно, афоризмы всегда были важнейшим источником обогащения национального литературного языка. Административные ограничения на пользование авторскими неологизмами напоминают «подгонку» языка на прокрустовом ложе до сборника монополизированных лингвистических прецедентов. Такое собрание изречений станет доступным только ограниченному кругу лиц и в итоге будет обречено утратить связь с жизнью. Языковая рента утилитарных текстов на шкале *цена-качество* и *спрос-предложение* может не только не окупиться, но и принести невосполнимые убытки своим авторам или правообладателям – народное забвение, поскольку язык как социальная материя существует и развивается по своим законам, а компенсационные возможности лингвистического мышления (как на уровне идиолектов, так и на уровне узуальном) безграничны и могут быть ограничены только индивидуальными моральными и эстетическими взглядами [11, с. 348].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Речь / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990.
2. Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию / Ю. В. Рождественский. – 2-е изд. – М. : Добросвет, 2000. – 344 с.
3. Кашанин А. В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве / А. В. Кашанин // Вестник гражданского права. – 2007. – № 2. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. «Ласточка-певунья» против «Ласточка»: решение суда апелляционной инстанции. – Режим доступа: <http://tovznak.livejournal.com/129286.html>
5. Ласточка-певунья нащелкала на 80 миллионов рублей. – Режим доступа: <http://argumenti.ru/economics/2015/04/395632>
6. Суд по интеллектуальным правам защитил «Ласточек» Рот Фронта от Рошена. – Режим доступа: <http://faq.pravo.ru/story/view/114300/95432/>
7. Режим доступа: dic.academica.ru/dic.snf/enc_animals/239/Семейство
8. Режим доступа: dic.academica.ru/dic.snf/enc_biology/867/Семейство
9. Кашкин В. Б. Основы теории коммуникации : краткий курс / В. Б. Кашкин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007.
10. Александров А. С. Введение в судебную лингвистику / А. С. Александров. – Н. Новгород : Нижегородская правовая академия, 2003.
11. Vattelsov S. G. On Utilitarian Wording / S. G. Vattelsov // The Futures We Want Global Sociology and the

Struggles for a Better World. View from Russia : collected papers / editor-in-Chief V. Mansurov. – Moscow : RSS, 2016. – P. 347–348.

12. Алпатов В. М. История лингвистических учений : учеб. пособие / В. М. Алпатов. – М. : Языки русской культуры, 1988.

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия

Ватлецов С. Г., кандидат филологических наук, магистр юриспруденции, доцент кафедры языкознания и иностранных языков

E-mail: vatletsov@mail.ru

Тел.: 8-960-170-67-67

Коларькова О. Г., кандидат педагогических наук, доцент кафедры языкознания и иностранных языков

E-mail: kog0208@inbox.ru

Тел.: 8-903-657-21-84

13. Babauta L. Feel the Fear and Do It Anyway (or, the Privatization of the English Language). – Mode of access: <http://zenhabbits.net>

14. Режим доступа: echo.msk.ru/programs/personalno/1571242-echo/

Privolzhsky branch of the Russian State University of Justice

Vatletsov S. G., Candidate of Philological Sciences, Master of Law, Associate Professor of the Linguistics and Foreign Languages Department

E-mail: vatletsov@mail.ru

Тел.: 8-960-170-67-67

Kolarkova O. G., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Linguistics and Foreign Languages Department

E-mail: kog0208@inbox.ru

Тел.: 8-903-657-21-84